

SHORT COMMUNICATIONS

- The correlation of anxiety and personal emotionality with peculiarities of music perception
T. S. Knyazeva, A. K. Pashina 123
-

OUR HEROES OF ANNIVERSARY

- Dinara Nikolayevna Zavalishina 128
Yevgeny Nikolayevich Sokolov – 80 years old 128
-

SCIENTIFIC LIFE

- Searching for the sense in new millenium
D. A. Leontiev 129
The XIII-th International congress on psychology of personal constructs
L. V. Vinogradova 131
International conference “Ethnoses and culture of the Balkan States” in Bulgaria
M. I. Volovikova 135
-

CRITICAL REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- Textbook “Psychogenetics”: whom is it for?
Yu. I. Alexandrov 138
Psychology of development: discussive problems and prognoses
A. A. Mitkin 141
Opening the secrets of the time
A. N. Pestov, I. E. Zadorozhniuk 143
-
- Information about new books 134
-
- Chronicle 137
-

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППОВЫХ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

© 2001 г. В. А. Штроо

*Старший преподаватель кафедры психологии ф-та философии и психологии
Воронежского гос. университета*

Обсуждается проблема многоуровневого анализа феномена психологической защиты: внутриличностной, межличностной, групповой, межгрупповой. Рассматриваются различные аспекты (топологический, структурный, динамический) целостности социальной группы; намечаются пути эмпирического изучения защитных механизмов группы и его дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: целостность группы; групповой субъект; субъект психологической защиты; групповая психологическая защита; групповые защитные механизмы.

Феномен групповой психологической защиты характеризует группу, с одной стороны, как системное образование, в ходе развития которого обнаруживаются и преодолеваются противоречия между базовыми системными тенденциями – изменением и сохранением, а с другой, – как целостную социально-психологическую общность, обладающую некоторым “внутренним” планом совместной деятельности, что и позволяет говорить об особой групповой реальности.

Анализ социально-психологических публикаций последних лет, где так или иначе ставится, упоминается или подразумевается вопрос о механизмах групповой (социально-)психологической защиты, обнаруживает рост интереса к данной проблематике среди исследователей. Он вызван, в частности, стремлением объяснить такое специфическое качество социальной группы, как субъектность, традиционно связываемое с характером и типом совместной деятельности (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, В.А. Хащенко, А.С. Чернышев), а также с особенностями общения и взаимоотношений (К.М. Гайдар, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, А.С. Чернышев). Так, было отмечено, что в конце пятого года существования студенческой группы значительно уменьшается психологическая дистанция между нею и ее членами. Это происходит на фоне “замирания” групповой активности в аспекте общения. В этой связи высказывалось предположение о том, что “очевидно, срабатывает своеобразный защитный механизм, препятствующий быстрому образованию психологического вакуума вследствие рвущихся внутригрупповых связей” [14, с. 17].

В [24, 25] было показано, что группа может выступать в качестве *субъекта активности, прямо направленной на самоподдержание, воспроизводство себя как целого, иными словами, в качест-*

ве субъекта психологической защиты. В данной статье это общее положение конкретизируется на основе выделения специфических групповых защитных механизмов.

ГРУППА КАК СУБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Многоуровневость проявлений феномена психологической защиты. Сам по себе вопрос о многоуровневости реализации психологической защиты уже поднимался в отечественной литературе. Так, развивая подход к изучению психологической защиты как системы средств, направленных на поддержание позитивного образа “Я” субъекта на внутриличностном и межличностном уровнях анализа, Ю.Б. Захарова [10] предлагает исследовать также уровень межгруппового взаимодействия, на котором психологическая защита выполняет функцию сохранения положительно-группового “Мы-образа”. В итоге автор приходит к обобщающей модели функционирования защиты на внутриличностном, межличностном и межгрупповом уровнях. Под “внутренней” защитой при этом понимается актуализация защитных механизмов при угрозе Я-образу (личностной идентичности) со стороны собственного опыта. Защита, направленная на сохранение Я-образа в межличностном взаимодействии, есть актуализация защитных механизмов при угрозе личностной идентичности субъекта со стороны “другого”; при этом предполагается, что взаимодействие полностью детерминируется индивидуальными отношениями и характеристиками. Под защитой, направленной на сохранение Мы-образа, т.е. Я-образа субъекта как члена определенной социальной группы, Захарова понимает актуализацию защитных механизмов при угрозе социальной идентичности индивида во взаимодействии его

Рис. 1. Модель уровневой организации психологической защиты.

как члена определенной социальной группы с членами других групп. При этом подчеркивается, что данный тип взаимодействия детерминирован в значительной мере социальными стереотипами межгруппового восприятия.

С учетом этих терминологических уточнений становится ясно, что в данной модели на всех трех уровнях анализа *субъектом защиты остается индивид*. Вследствие этого обсуждаемые далее автором стратегии защитного поведения группы, строго говоря, представляют собой стратегии защитного поведения индивида как члена группы в отношении к представителям другой группы.

Вместе с тем сама по себе исследовательская идея, несомненно, заслуживает интереса. Ее возможное развитие представляется нам следующим образом. Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие в модели Захаровой еще одного уровня анализа, необходимость которого вытекает из логики самой модели, а именно – уровня внутренней групповой защиты. Притом, и это принципиально, одновременно должна происходить и смена субъекта защитной активности, а следовательно, и арсенала используемых защитных средств (механизмов). Следовательно, схематичное отображение “усовершенствованной” модели уровневого строения психологической защиты могло бы выглядеть следующим образом (рис. 1). На первом уровне субъектом защитной активности выступает Я как одна из “структурных единиц” личности в борьбе за свою целостность с нежелательными или травмирующими содержаниями Оно и Сверх-Я, что подробно было раскрыто и изучено в психоанализе. На втором уровне к защите прибегает личность для сохранения своей целостности и поддержания позитивного Я-образа в межличностном взаимодействии. Третий уровень описывает защитную активность группы, отстаивающей свою целостность в ответ на внутреннюю угрозу распада. На четвертом уровне группа защищается от факторов межгруппового взаимодействия, представляющих угрозу для ее

целостности. Для индивидов, входящих в состав группы, групповая психологическая защита на третьем и четвертом уровнях опосредуется механизмами поддержания положительного Мы-образа в соотношении с Оно-образом. При этом традиционно рассматриваемый тип взаимодействия “личность–группа” как бы распределяется между вторым и третьим уровнями данной модели, выступая на каждом из них в специфическом аспекте.

Разнообразие проявлений защитной активности социальной группы. Развиваемая в данной статье идея о необходимости выработки целостной концепции групповой психологической защиты, включающей в себя особые групповые защитные механизмы, опирается на богатый исследовательский материал, накопленный к настоящему времени. Подтверждение намеченной линии рассуждений можно обнаружить, например, в области этнопсихологии, где группа выступает именно субъектом защитной активности в межгрупповых отношениях. Так, В.А. Соснин, анализируя социально-психологическую динамику межэтнических конфликтов в кризисных ситуациях, пишет: “Когда появляется угроза существованию группы как целостного и самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне психологического восприятия ситуации происходит социальная идентификация по признаку происхождения, “крови”; *включаются механизмы социально-психологической защиты* (выделено мною. – В.Ш.) в виде процессов внутригрупповой сплоченности, ингруппового фаворитизма, усиления единства “Мы” и внешнегрупповой дискриминации и обособления от “них”, “чужих”. Эти процедуры ведут к “отдалению” и искажению образов внешних групп, которые с эскалацией конфликта приобретают хорошо изученные в социальной психологии особенности и черты” [20, с. 55].

Определяя систему психологической защиты этнической группы как важнейший механизм ее адаптации в критической ситуации, Г.У. Солдатова раскрывает его содержание через совокупность психологических средств и способов регулирования межэтнической напряженности силами самих этнических групп как коллективных субъектов деятельности и взаимодействия. “Активизация системы психологической защиты этнической группы – результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержаний этничности при наличии реальной или воображаемой оппозиции в лице другой этнической группы. Возрастающее в критических социальных ситуациях, а также при нарушении целостности, стабильности этнической группы и привычного порядка межэтнических отношений стремление представителей группы сохранить и усилить свою позитивную этническую идентичность нарушает устоявшиеся компенсаторные связи между созна-

нием и бессознательным. Необходим новый уровень компенсации, и эту функцию выполняет система психологической защиты этнической группы” [19, с. 158]. В данном случае трактовка защитных групповых процессов как особого типа взаимодействия между осознаваемым и неосознаваемым содержанием групповой идентичности “возвращается” к исходной позиции – психоаналитической.

Для нашего анализа наибольший интерес представляет подчеркивание в упомянутых работах угрозы целостности этнической общности – субъекта межэтнических отношений – как условия порождения защитной активности. Следовательно, развиваемые нами представления о том, что именно целостность группы выступает предметом защиты и на уровне межгруппового взаимодействия, согласуются со взглядами других исследователей. Более того, получает свои, пусть приблизительные, контуры феноменологическая область проявлений конкретных защитных механизмов, используемых группой для сохранения своей целостности.

Можно указать на достаточно большое количество теоретических и прикладных исследований, в которых, не употребляя термина “групповая психологическая защита” или “групповой защитный механизм”, авторы так или иначе затрагивают проблему, охватываемую данными понятиями. Так, рассматривая проблемы функционирования социальных организаций, А.И. Пригожин прибегает к выражению “организационная патология”, чтобы описать и проанализировать те сбои, которые обнаруживаются в организационном функционировании по каким-то очень важным и трудно искореняемым причинам. Наш интерес к этим явлениям связан с тем, что указанные патологии отражают инерционность любой организационной структуры, когда она “стремится воспроизводить прежние функции при всех обстоятельствах и при всех условиях” [13, с. 139], т.е. защитить самое себя.

Кроме того, стоит вспомнить, что проявление психологической защиты еще в ортодоксальной психоаналитической традиции связывалась с сопротивлением терапевтическому вмешательству. По этой аналогии (применительно к организациям) речь как правило идет о сопротивлении нововведениям. В общем проблема инноваций в той или иной области общественной практики связана с необходимостью преодоления сопротивлений – своеобразных экономических, политических, социальных и психологических “барьеров”. Последние, т.е. психологические барьеры, рассматриваются В.А. Слостениным и Л.С. Подымовой как: 1) форма проявления социально-психологического климата коллектива в условиях инноваций в виде негативных психических состояний работни-

ков, вызванных нововведением; 2) совокупность действий, суждений, понятий, умозаключений, ожиданий и эмоциональных переживаний работников, в которых осознаваемо или неосознаваемо, скрыто или явно, преднамеренно или непреднамеренно выражаются негативные психические состояния [18].

Существенный вклад в понимание природы психологической защиты на групповом уровне вносят исследования в области психологии и психотерапии семьи. Тому есть несколько причин, главная из которых заключается в следующем: современные психологическая диагностика и психологическая коррекция нарушенных семейных отношений основаны на представлении о семье как целостной структуре. Это, в первую очередь, отражается в языке описания тех или иных феноменов, присущих семье как социальной общности.

Один из таких феноменов получил название “семейный миф” [16, 28, 30]. Это – набор взаимно согласованных, но искаженных ролей, которые играют члены семьи. Он не подвергается внутри семьи никакому сомнению, служит хорошей программой для социальных контактов вне ее и в то же время уменьшает гибкость самой семейной системы. Его функция состоит в том, что он позволяет каждому члену семьи выстраивать собственную психологическую защиту с помощью других членов и всей системы внутрисемейных отношений. До тех пор, пока семья зиждется на семейном мифе, она является “больной” системой. Но “болезнь” обнаруживается лишь тогда, когда миф дает трещину, т.е. оказывается более не в состоянии поддерживать хоть какой-то, пусть временный, гомеостаз внутрисемейных отношений. Обычно семейный миф формируется на почве какого-то неразрешенного кризиса – развода, чьей-то смерти, семейной тайны. А. Ферейра считает, что этот миф возникает в тех семьях, для которых характерно расщепление и отвержение чего-то нежеланного, травмирующего. На его место “водружается” некоторый фантом, призванный благоприятным образом заменить отсутствующее. Следует отметить, что описанный механизм по всем своим функциональным признакам соответствует “защитному”, являясь при этом сугубо групповым, а не индивидуальным. Необходимость иметь дело с семьей как целым подчеркивается и в рамках концепции “патологизирующих ролей” [27, 34], рассматривающей нарушения в семье в качестве причины психических расстройств ее членов.

Разводя семейные системы по характеру их связей с окружающим миром на открытые и закрытые, В. Сатир [15] отмечает, что для закрытых систем характерны скрытые, устаревшие, жесткие, неизменные правила семейной жизни.

Члены таких семей вынуждены что-то делать со своими потребностями, изменять их, чтобы подстроиться под установленные правила. Такое положение дел усугубляется запретом на их обсуждение. Сами по себе правила необходимы для функционирования любой социальной общности, они регулируют взаимоотношения членов группы в достижении какой-то единой цели. Однако действие этих правил может быть самым разным, оно способно повлечь за собой как положительные, так и отрицательные последствия.

Скрытый характер правил – фактор их отрицательного действия на личность. Новые члены семьи, будь то младенец, появившийся на свет в данной семье, или муж дочери (жена сына), пришедшие в родительскую семью супруги (супруга), знакомятся с уже действующими семейными правилами, т.е. объективной данностью, реальностью, с которой необходимо считаться, но о которой нельзя получить достоверные сведения. В результате они вынуждены играть по правилам, о наличии которых узнают только будучи наказанными за их нарушение, но о *содержании* которых могут лишь догадываться. Это, в свою очередь, характеризуется П. Вацлавиком [35] как патология общения. Однако подобные правила поддерживают сохранность структуры такой малой группы, как семья, и в силу их скрытости не обсуждаются и не изменяются, т.е. действуют продолжительное время, может быть, даже все время существования группы.

По мнению известного британского специалиста в области семейной психотерапии Р. Скиннера [17], почти в каждой семье человеческие эмоции отчетливо делятся на “хорошие” и “плохие”. Первые поощряются и поддерживаются. Вторые – изгоняются или прячутся. Ребенка, впервые открыто выражающего свои чувства, родители ответными реакциями обучают этому делению. Более того, запрет, накладываемый на *выражение* “плохих” чувств, переносится и на сами эти чувства, точнее, на их переживание. Таким образом, в качестве платы за сохранение родительской любви ребенок обучается *не испытывать* определенных эмоций, он подавляет и вытесняет их в собственное бессознательное. Но и семья как нечто целое может быть охарактеризована с точки зрения того, какие именно чувства считаются всеми ее членами плохими. Плохие эмоции прячутся, и вся семья по молчаливому, но нерушимому соглашению намеренно не принимает их во внимание. Все в семье притворяются, что такого просто не существует. В терапевтическом свете обычно происходит проявление скрытого фотоизображения отрицательных эмоций: «Семья выдает себя тем, что *все* в ней *отрицают* ту эмоцию, которую спрятали. Если они говорят: “В нашей семье не ревнуют”, так и знайте, ревность – проблема этой семьи, и тут она *табуирована*» [17, с. 28].

Обратимся к исследованиям в области группового принятия решений. Поиск ответа на вопрос, почему люди, каждый из которых сам по себе достаточно компетентен, умен и прозорлив, объединившись в группу, демонстрируют нечто противоположное, принимают глупые и необдуманные решения, привел к выделению довольно специфического группового явления – феномена “группомыслия” (groupthink). Феномен группомыслия¹ впервые был описан американским исследователем И. Джанисом [32] на материале изучения ошибочных политических решений американского правительства, приведших к серьезным негативным последствиям в XX столетии. Под “groupthink” понимается “стиль мышления людей, полностью включенных в группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий” [32, с. 9]. Разработанная Джанисом теоретическая модель включает в себя ряд факторов, провоцирующих возникновение данного феномена. К ним относятся: высокий уровень сплоченности группы; изоляция группы (отсутствие внешних экспертных оценок); директивное руководство; несовершенная процедура поиска и оценки альтернатив; гомогенность состава группы; провокационный ситуативный контекст.

На групповом уровне анализа симптомы “groupthink” проявляются в иллюзии группы по поводу собственного совершенства и неуязвимости, в коллективной рационализации происходящего, в стереотипизации соперников как врагов, в требовании лояльности от членов группы, в возникновении самоцензуры, приводящей к иллюзии единодушия, в появлении “самозванных хранителей устоев”. Уверенность в том, что “мы – хорошая и мудрая группа”, в ситуации неопределенности и риска актуализирует стереотип: “в хорошей группе вырабатывается хорошее решение”. Многочисленные последующие попытки, с одной стороны, конкретизировать достаточно описательную по своему характеру модель Джаниса, а с другой, – эмпирически убедиться в существовании данного феномена и изучить его механизмы, привели к общему выводу о том, что главную роль в возникновении “группового духа” играют не ситуативные факторы, а устойчивые характеристики самой группы. В первую очередь такие, как директивное лидерство, изоляция группы, гомогенность группового состава [1, 2, 29] и др.).

Групповые феномены, обнаруживающиеся в процессе совместного принятия решения и характеризующие группу как предпочитающую едино-

¹ В отечественной литературе существует некоторая разносортность в переводе на русский язык данного понятия: “групповое мышление” (С.К. Рошин, 1980); “групповой дух” (И.Б. Бовина, 1998); “группомыслие” (Г.М. Андреева, 1999) и др.

Таблица 1. Сравнительные характеристики психологической защиты в зависимости от уровня анализа

Параметры защиты Уровни анализа	Субъект защиты	Предмет защиты	Источник угрозы	Средства защиты	Примеры
Внутриличностный	“Я”	Границы “Я”, позитивное самочувствие	“Оно” и “Сверх-Я”	Защитные механизмы и техники	Описанные в психоанализе: вытеснение, регрессия, изоляция и др. [21]
Межличностный					А. Защитные действия в ответ на манипулятивное воздействие [6] Б. Защитные формы поведения в тренинговой группе [22]
А. Диадный	Личность в целом	Позитивный “Образ Я” или самооценка	Внешний (как правило, значимый Другой)	Защитные формы поведения	
Б. Внутригрупповой					
Групповой	Группа	Групповая целостность, позитивный Мы-образ	Внутренний (дизинтеграцион- ные процессы)	Защитные механизмы групповой динамики	Особые нормы или система норм [15, 30, 32]
Межгрупповой	Группа	Групповая целостность, позитивный Мы-образ	Внешний (другая группа)	Защитные механизмы групповой динамики	Перцептивные искажения образа “чужой” группы [10, 20, 32]

мыслие качеству решения, дополняются особенностями ее структуры. Изучая закрытые группы “криминального” типа, М.Ю. Кондратьев указывает, что статусная моноструктурированность группы во всех сферах ее жизнедеятельности не только выступает одним из ведущих социально-психологических признаков такой группы, но и порождает особую “монодеятельность”, направленную на “сохранение и упрочение жестко фиксированной внутригрупповой статусной иерархии кастового типа” [11, с. 27]. Сходные идеи о жесткости иерархически-ролевой групповой структуры были высказаны в работе А.Б. Добровича на основе проделанного им социально-психологического анализа так называемой примитивной группы [5].

Таким образом, можно констатировать, что значительное число исследований, так или иначе затрагивающих проблемы малой группы, обнаруживают существование ряда групповых феноменов, которые выполняют защитную функцию, направленную на сохранение стабильности групповых отношений, наличной групповой структуры, т.е. в целом – на поддержание ее целостности и позитивности образа “своей” группы в восприятии ее членами. Это позволяет нам соотнести проявления защитной активности на обозначенных уровнях и в соответствующих контекстах (табл. 1).

Целостность группы как предмет психологической защиты. Однако пока еще открытым остается вопрос о том, насколько правомерно рассматривать саму группу в качестве субъекта защитной активности. Субъектность группы может

быть определена, как уже указывалось выше, с одной стороны, полаганием особой совместной групповой деятельности, которая не может быть осуществлена ни одним из составляющих группу индивидов по отдельности, ни даже простым суммированием усилий этих индивидов. Она имеет собственные целевые, процессуальные и содержательные характеристики. С другой стороны, точно так же, как индивидуальный субъект может быть описан в аспекте его специфических признаков, в качественном своеобразии группового субъекта можно выделить отдельные его составляющие. Анализ соответствующей литературы показывает, что в общем ряду социально-психологических характеристик группы можно выделить в самостоятельную категорию признаки, подчеркивающие ее целостность, системность. Другими словами, речь идет об особых свойствах системы “социальная группа”, которые не могут быть прямо выведены из свойств составляющих ее элементов (индивидов). Более того, эти свойства как бы “приобретаются” элементами в силу самого факта их включенности в систему. Тем самым ряд индивидуально-психологических свойств и качеств личности составляющих группу людей опосредствуются их включенностью в групповую реальность, так же как их взаимоотношения – характером групповой деятельности и уровнем развития группы [7–9, 12, 14 и др.].

В этой связи субъективными мы будем считать те групповые характеристики, которые отражают в себе именно целостность группы. С этой точки зрения обращает на себя внимание, в частности, то обстоятельство, что почти все

из возможных психологических характеристик группы имеют свои индивидуально-психологические эквиваленты, кроме одной – *нормы*. Нормы не только характеризуются социальным происхождением (что справедливо, в частности, по отношению ко всем остальным характеристикам индивидуального субъекта), но и существуют, т.е. сохраняются, поддерживаются, изменяются и отменяются исключительно в социальном (групповом) контексте, а будучи выключенными из него – теряют всяческий смысл. Как известно, нормой становится то поведение (в широком смысле слова), которое, во-первых, практикуется большинством в данной части социума, во-вторых, является привычным, т.е. встречающимся достаточно часто, и наконец, в-третьих, попытки его отмены встречают резкое сопротивление со стороны значимых других.

Вместе с тем и сама категория групповой целостности нуждается в дополнительной теоретической проработке. Многие исследователи, рассматривая социальную группу, принимают ее целостность как имманентно заданное свойство. На наш взгляд, целостность группы должна пониматься как ее качественная характеристика, включающая в себя, как минимум, три аспекта – топологический (пространственный), структурный и процессуальный (динамический).

Топологический аспект подразумевает под целостностью наличие и, главное, сохранность *границ*, отделяющих изучаемый объект – группу – от внешней социальной среды. Тогда целостной будет такая социальная группа, границы которой четко обозначены любым способом, позволяющим отличить члена данной группы от не-члена, другими словами, “своего” от “чужого”. Если же граница нечеткая или легко нарушается, то группа тем самым “размывается”, теряет свою целостность в топологическом аспекте. Довольно плодотворно топологический аспект порождения и сохранения групповой целостности разрабатывается в рамках теории социальной идентичности (Н. Tajfel, J. Turner).

Структурный аспект сосредоточивает внимание исследователей на внутренних, структурных характеристиках группы. Структурная целостность подразумевает наличие и устойчивость определенной структуры взаимосвязанных элементов единого образования, каким выступает социальная группа. Сама структура определяется по характеру отношений, в которые вступают данные индивиды, являясь членами одной группы. Тогда речь идет о коммуникативной, статусной, властной, функционально-ролевой и т.д. структурах группы.

Другой вариант ответа на поставленный вопрос о внутригрупповой структуре может быть дан, исходя из анализа совместной групповой деятельности. Тогда структура группы определяется функциональной структурой совместной дея-

тельности. Однако в этом случае мы переходим к необходимости выделения еще одного аспекта групповой целостности, отражающего *процесс функционирования* социальной общности. В **процессуальном, или динамическом**, аспекте целостность группы означает весь тот комплекс факторов, который обеспечивает функционирование и тем самым существование группы. Прежде всего, это характеристики совместной групповой деятельности, такие как ее содержание, характер, цели, средства и т.п. Таким образом, целостность социальной группы понимается как процессуальная непрерывность ее существования, обеспечиваемая относительно устойчивым воспроизводством основных структурных компонентов системы внутригрупповой активности [8].

Проделанный анализ литературных источников, а также разрабатываемый в данной статье теоретический подход позволяют подвести некоторые итоги.

1. Поддержание (создание, упрочение и восстановление) позитивного состояния групповой реальности, феноменологического отражения целостности группы, является неотъемлемым от жизнедеятельности группы динамическим процессом.

2. Этот процесс выполняет стабилизирующую функцию, обеспечивая существование системы (группы) как на этапах “спокойного”, т.е. хорошо прогнозируемого, регулярного, легко воспроизводимого функционирования группы, так (и особенно) в критических, кризисных ситуациях, несущих отчетливую угрозу нарушения групповой целостности в топологическом, структурном или динамическом аспектах.

3. Данный процесс реализуется посредством ряда механизмов, адаптирующих группу как целостное образование к условиям ее существования. Условия являются внешними или внутренними по отношению к границам группы, а также стабильными или динамичными.

ПРОБЛЕМЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВЫХ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Концептуальные основы изучения проблемы. Групповая реальность, выступающая, как было отмечено выше, средой порождения и функционирования психологической защиты на групповом уровне анализа, может быть описана и изучена лишь с помощью некоторой системы признаков. Однако сами по себе эти признаки, как правило, не представлены в чувственном опыте, за исключением отдельных случаев их материализованного оформления: например, символа группы в виде какой-либо вещи или графического изображения (а также гимна, девиза, особой одежды или ее элементов), физических террито-

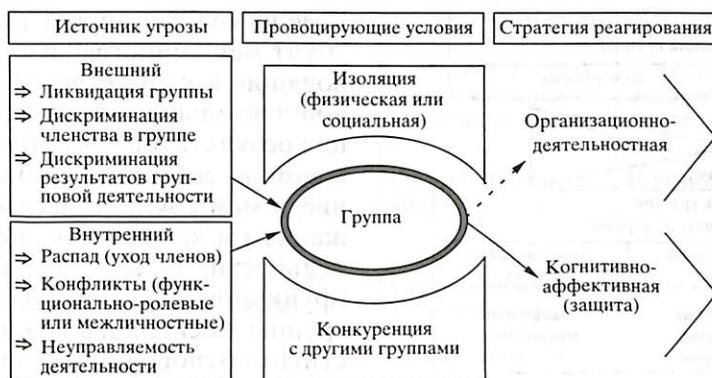

Рис. 2. Факторы, актуализирующие групповую психологическую защиту.

риальных границ и т.п. Изучать такие признаки можно только косвенно, опосредованно, т.е. через их представленность в индивидуальном сознании и поведении. Таким образом, становится очевидной необходимость искать те “новообразования”, которые могут возникнуть и существовать у индивида лишь в силу его принадлежности/включенности в данную конкретную социальную общность.

Как уже было показано выше, между групповой и социальной реальностями при их несовпадении возможны, тем не менее, определенные взаимопереходы и взаимоотношения. Следовательно, любые проявления групповой активности, направленной на поддержание и сохранение целостности группы, есть в то же время и способы воздействия на объективную и/или групповую реальность. Для более четкого представления о возможных видах таких групповых воздействий их можно классифицировать по двум основаниям: 1) адекватность или неадекватность реакции группы на угрозу ее целостности; 2) локализация источника угрозы – внешней или внутренней.

Адекватными будут те формы и способы реагирования группы, которые, во-первых, соответствуют локусу угрозы, т.е. в случае внешней опасности активность направляется вовне с целью изменений либо внешней по отношению к группе реальности, либо характера взаимодействия группы со средой, а внутренняя опасность повлечет за собой переструктурирование групповой реальности так, чтобы сохранить целостность группы как субъекта деятельности. Во-вторых, их результат – освобождение от данной угрозы на длительный срок и без необходимости постоянного воспроизведения защитных действий, т.е. ситуация будет “разрешена”. Соответственно, неадекватны такие реакции, направленность которых либо не соответствует локализации источника угрозы, либо они требуют постоянного воспроизводства, т.е. не разрешают угрожающую ситуацию.

Теоретический анализ позволяет выделить две основные стратегии реагирования группы на угрозу нарушения групповой целостности:

⇒ *организационно-деятельностная стратегия*, которая вбирает в себя совокупность мер, приводящих к изменениям в функциональной и операционально-технической составляющих групповой деятельности (перераспределение функционально-ролевых взаимоотношений между членами группы, кооптация при необходимости набора новых членов или, наоборот, уменьшение неоправданно разросшегося численного состава, дисциплинирование и т.п.). В результате меняется тип и характер взаимодействия группы со средой и предметом совместной деятельности, преобразуется внешний контур групповой жизнедеятельности;

⇒ *стратегия когнитивно-аффективного переструктурирования ситуации*, не затрагивающего объективных ситуационных характеристик, но производящего трансформации в перцептивных (информационных) и мотивационно-смысловых аспектах совместной деятельности (групповой миф, табуирование отдельных сфер групповой жизни, информационная изоляция, ритуализация внутригруппового поведения и т.п.). Данная стратегия приводит, как правило, к появлению специфических “фантомов” группового сознания, адекватных позитивному состоянию групповой реальности, но не адекватных объективной ситуации функционирования группы.

Энергетическим источником для первой стратегии является чувство неудовлетворенности членов группы наличным или прогнозируемым положением дел, для второй – энергетическим зарядом является переживание членами группы чувства страха. “Запускающим моментом” для первой стратегии становится обнаруженное *несоответствие* между объективными результатами совместной групповой деятельности и ее целями; вторую стратегию порождает возникшее *противоречие* либо между группой и внешней (социальной) реальностью, либо между элементами самой групповой реальности. Взаимосвязь факторов, порождающих ту или иную стратегию групповой реакции на угрозу, демонстрируется на рис. 2. Указанные обстоятельства открывают возможность

Рис. 3. Типология групповых защитных механизмов по локусу угрозы и защищаемому аспекту групповой целостности.

рассматривать механизмы осуществления стратегии когнитивно-аффективного реструктурирования как групповые защитные средства, а группу, реализующую данную стратегию, как субъект психологической защиты. Один из вариантов реализации защитной стратегии в поведении группы приведен в исследовании Ю.Б. Захаровой [10].

Обозначенный здесь подход позволяет развести собственно интегративные процессы, разворачивающиеся в системе внутригрупповой активности [7–9, 14 и др.], и процессы групповой психологической защиты. Возможность такой “негативной” трансформации интегративных процессов предполагает А.И. Донцов: “Могут ли интегративные процессы, будучи отражением устойчивого функционирования системы групповой активности и являясь одновременно ее стабилизирующим фактором, вступить в противоречие с насущными задачами деятельности группы? По-видимому, да” [8, с. 32].

Исходя из предположения, что те формы групповой активности, которые реализуют стратегию когнитивно-аффективного реструктурирования ситуации, как раз и могут рассматриваться в качестве групповых защитных механизмов, а феноменальным коррелятом групповой целостности в ее топологическом, структурном и динамическом аспектах в этом случае выступает позитивное (непротиворечивое) состояние групповой реальности, получаем основание для типологии защитных механизмов групповой динамики.

Одним из параметров типологии является локус угрозы – внешней, т.е. исходящей из окружающей группу социальной среды, или внутренней, т.е. коренящейся в самой группе, в динамике групповых процессов. Другим – характер угрозы, определяемый по соответствующему аспекту групповой целостности: в топологическом аспекте группе угрожает ликвидация (внешняя угроза) или распад (внутренняя угроза); в структурном –

“смена власти” путем вмешательства извне или “бунт меньшинства” изнутри, так или иначе приводящие к структурным перестройкам в групповой деятельности; в динамическом – дискредитация результатов деятельности группы со стороны внешних социальных институтов или обнаружение самой группой несоответствия между содержанием и характером, целями и средствами деятельности, между операционально-техническим (функционально-ролевым) планом деятельности группы и психологическим климатом (межличностными отношениями) в ней и т.д. (см. рис. 3).

Возможная типология групповых защитных механизмов. Теперь у нас появляется возможность систематизации тех описанных в литературе феноменов групповой динамики, которые по своим признакам подпадают под категорию “групповой защитный механизм” и, следовательно, в своей совокупности позволяют задать некоторое феноменологическое поле для исследования. Наиболее удобно представить результаты такой систематизации в данной форме (см. табл. 2).

Наименования групповых защитных механизмов сохранены по литературным источникам и расположены в алфавитном порядке, поскольку говорить о систематизации в строгом смысле этого слова пока еще нельзя, однако необходимый фундамент для этого вполне “просматривается”.

Шесть из десяти механизмов “защищают” целостность группы от внутренней угрозы, пять – от внешней. Одни из них – групповой дух – действует в обоих “направлениях”, хотя, возможно, это объясняется его множественной симптоматикой в описании Джаниса и его последователей. Закрепить же за конкретным защитным механизмом определенный аспект групповой целостности оказалось много сложнее, в некоторых случаях – невозможно. Вместе с тем “аспектную ориентированность” действия защитного механизма можно использовать для анализа конкретных ситуаций групповой жизни. Например, сам факт наличия групповых ритуалов как стабильных, повторяющихся акций с участием всех членов группы предположительно способствует охране ее границ (“Только для своих!”), т.е. обеспечивает топологический аспект целостности группы, являясь своеобразным эмпирическим референтом групповой идентичности для ее членов. Содержание ритуала, рассматриваемое как продукт ритуализации той или иной сферы групповой жизнедеятельности, т.е. придания ей статуса обязательности исполнения при отсутствии реальных результатов, перевода предметно-практического процесса в чисто условный, символический план, может быть тесно связано с динамическим аспектом целостности (“Пока мы выполняем этот ритуал, мы сохраняем себя как единую общность”). Ритуалы регламентируют жизнь любой группы, однако

Таблица 2. Характеристики описанных в литературе групповых защитных механизмов

Наименование группового защитного механизма (с его кратким описанием)	Локус угрозы	Предмет защиты (аспект групповой целостности)	Наличие эмпирических исследований	Литературные источники
Групповое табу Запрет на обсуждение “опасных” тем внутригрупповой жизни	Внутренний	Структурный и динамический	Неизвестны	[15, 17, 35]
Группомыслие (groupthink) Качество группового решения оценивается с точки зрения сохранности единомыслия в группе	Внешний и/или внутренний	Структурный и динамический	Есть	[1, 2, 29, 32 и др.]
Групповой ритуал Обязательное воспроизведение какой-то групповой процедуры, придание этому самостоятельного (символического) смысла	Внутренний	Все аспекты	Неизвестны	[3, 23 и др.]
Ингрупповой фаворитизм Межгрупповое сравнение в пользу своей группы	Внешний	Динамический (?)	Есть	М. Sherif, Н. Tajfel В.С. Агеев
Самоизоляция Ограничения (вплоть до запрета) на контакты с внешней социальной средой	Внешний	Все аспекты	Неизвестны	[3, 23 и др.]
Семейный (групповой) миф Взаимное согласование искаженных внутрисемейных ролей	Внутренний	Структурный и динамический	Неизвестны	[16, 28, 30]
Социальный стереотип аутгруппы Содержание образа и правила восприятия членов “чужой” группы как отличных от “своих”	Внешний	Топологич.	Есть	[10, 19, 20] Н. Tajfel, J. Turner, В.С. Агеев
Фиксация внутригрупповой статусной иерархии Становление и жесткое поддержание неравенства позиций членов группы в системе межличностных отношений	Внутренний	Структурный и динамический	Есть	[3, 5, 11, 15, 23]
Формализация внутригрупповой коммуникации Коммуникационные потоки внутри группы (организации) становятся многозвенными, т.е. затрудняются прямые связи. Нормируется содержание коммуникации (“Только по делу!”)	Внутренний	Структурный и динамический	Неизвестны	[13, 15, 25, 26, 33, 35]
Экстернальная атрибуция неуспеха групповой деятельности Объяснение группового неуспеха за счет внешних факторов	Внешний	Динамический	Есть	[13, 33] В.С. Агеев

они и сами нуждаются в регламентации. Поэтому, например, требования к соблюдению различных сторон самого ритуала, выражающиеся, в частности, в отношении *субординации между его участниками* (кто, что и как делает по ходу исполнения), поддерживают внутригрупповую структуру отношений, тем самым оберегая, защищая ее от изменений, следовательно, речь идет о структурном аспекте групповой целостности (“У нас все в порядке, а значит, все хорошо!”).

ВЫВОДЫ

Можно сформулировать несколько основных теоретико-прикладных положений, позволяющих наметить пути эмпирического изучения проблемы групповых защитных механизмов:

1) защитный механизм выступает как способ действия в ситуации обнаружения угрозы (внешней или внутренней) для целостности группы, что несовместимо с позитивным состоянием групповой реальности;

2) основная системная функция защитных механизмов – стабилизационная;

3) стабилизация того или иного аспекта групповой целостности – топологического, структурного или процессуального – достигается за счет аффективно-когнитивного переструктурирования угрожающей ситуации;

4) в группе такой способ действия выступает как *норма поведения ее членов*, причем наличие нормы зачастую нельзя обнаружить иным путем, кроме как нарушив ее.

Сложный характер поставленной проблемы оставляет пока нерешенным вопрос о “доказательности” эмпирических результатов в пользу *обнаружения* защитных механизмов групповой динамики как самостоятельного социально-психологического феномена. Данное обстоятельство предопределяет те трудности, которые могут возникнуть в ходе планирования и организации сбора эмпирического материала с целью выделить особые процессы групповой динамики, выполняющие защитные функции, описать их содержание и условия возникновения. Достичь указанной цели позволит решение следующих задач:

♦ разработка таких исследовательских процедур, при которых бы в соответствии с проведенным теоретическим анализом с максимальной вероятностью можно было бы ожидать актуализации групповых защитных механизмов;

♦ подборка экспериментальных групп с характеристиками как сходными, так и отличающимися их друг от друга, чтобы иметь как можно более многообразный и вместе с тем сопоставимый материал;

♦ осуществление сбора эмпирических данных адекватными природе изучаемого явления путями, учитывая, что степень осознанности способов реагирования группы на “угрожающую” ситуацию ожидается весьма вариативной от группы к группе и от ситуации к ситуации.

В заключение очертим тот круг проблем, которые задают ближайшие перспективы в изучении защитных функций групповой динамики. В частности, остается открытым вопрос о соотношении выделенных в теоретическом анализе двух стратегий реагирования группы на угрозу нарушения ее целостности – организационно-деятельностной и аффективно-когнитивного переструктурирования ситуации. Существуют ли какие-либо специфические факторы вне группы или характерные для внутригрупповой среды, предопределяющие “выбор” группы одной из них? Означает ли актуализация групповых защитных механизмов в рамках стратегии когнитивно-аффективного переструктурирования отказ от организационно-деятельностного способа сохранения групповой целостности в силу “объективной”

невозможности его реализации, или же они выступают как две стороны единого процесса?

Следующий вопрос, поиски ответа на который открывают еще одну перспективу продолжения настоящего исследования: какова взаимосвязь между теми или иными конкретными разновидностями групповых защитных механизмов и стадиями групповой динамики (уровнями развития группы)?

На эти и другие, связанные с ними, вопросы можно получить ответы лишь на пути углубления теоретической проработки феномена групповой психологической защиты, с одной стороны, и построения новых программ эмпирической проверки выдвинутых гипотез, – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бовина И.Б.* Детерминанты ошибочных решений, принимаемых в группе // Психология сегодня. 1996. Т. 2. Вып. 2. С. 10–11.
2. *Бовина И.Б.* О феномене “группового духа” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1998. № 1. С. 47–52.
3. *Волков Е.Н.* Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) // Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 86–95.
4. *Гайдар К.М.* Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
5. *Добрович А.Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения // Кн. для учителя и родителей. М.: Просвещение, 1987.
6. *Доценко Е.Л.* Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
7. *Донцов А.И.* Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во МГУ, 1979.
8. *Донцов А.И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопр. психологии. 1979. № 3. С. 25–34.
9. *Донцов А.И.* Психология коллектива. М.: Изд-во МГУ, 1984.
10. *Захарова Ю.Б.* О моделях психологической защиты на уровне межгруппового взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 3. С. 11–17.
11. *Кондратьев М.Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994.
12. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1991.
13. *Пригожин А.И.* Современная социология организаций: Учебник. М.: Интерпракс, 1995.
14. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
15. *Сатир В.* Как строить себя и свою семью: Пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 1992.

16. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Педагогика, 1989.
17. *Скиннер Р., Клииз Д.* Семья, и как в ней уцелеть: Пер. с англ. М.: Класс, 1995.
18. *Сластенин В.А., Подымова Л.С.* Педагогика: инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997.
19. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
20. *Соснин В.А.* Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психол. журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.
21. *Фрейд А.* Психология “Я” и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
22. *Хараи А.У.* Личность и общение // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 30–41.
23. *Целикова В.В.* Психологические механизмы влияния на личность в культе // Журн. практич. психолога. 1996. № 5. С. 71–75.
24. *Штроо В.А.* Группа как субъект психологической защиты // Ежегодник Российского психологического общества: Психология сегодня. М., 1996. Т. 2. Вып. 2. С. 14–15.
25. *Штроо В.А.* Защитные механизмы: от личности к группе // Вопр. психологии. 1998. № 4. С. 54–61.
26. *Штроо В.А.* Групповые патологии как проявления защитных функций групповой динамики // Вестник научной сессии фак-та философии и психологии ВГУ. Воронеж: ВГУ, 1999. Вып. 1. С. 56–59.
27. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Семейная психотерапия. Л.: Медицина, 1989.
28. *Byng-Hall J.* Family mythes as a defence in conjoint therapy // British j. of medical psychology. 1973. V. 46. № 3–4.
29. *Callaway M.R., Esser J.K.* Groupthink: effects of cohesiveness and problemsolving procedures on group decision making // Social Behavior and Personality. 1984. № 12 (2). P. 157–164.
30. *Ferreira A.J.* Family myth and homeostasis // Arch. gen. psychiatry. 1963. № 9.
31. *Group Dymanics: research and theory / Eds. D. Cartwright and A. Zander.* N.-Y.: Harper & Row, 1968.
32. *Janis I.L.* Groupthink: psychological studies of policy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983.
33. *Praxis der Veraenderung in Organisationen / Hrsgb. von R.H. Wagner.* Goettingen: Verlag fuer Angewandte Psychologie, 1995.
34. *Richter H.-E.* Eltern. Kind, Neurose. Habnurg: Reinbek, 1969.
35. *Watzlawick P., Beavin J., Jackson D.* Menschliche Kommunikation: Formen, Stoerungen, Paradoxien. Bern: Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1969.

THE RESEARCH OF THE GROUP DEFENSIVE MECHANISMS

V. A. Shtroo

Head teacher of the chair of psychology, department of philosophy and psychology, Voronesch State University

There is discussed the problem of multilevel analyses of phenomenon of psychological defence: intrapersonal, interpersonal, group, intergroup ones. The integrity of social group is considered from topological, constitutional and dynamic points of view. The way to research the group defensive mechanisms empirically is proposed.

Key words: integrity of the group, group subject, subject of psychological defence, group defensive mechanisms.